

МЕЖДИСКУРСНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Человек, сталкиваясь с собственной хрупкостью, болезнями и смертью, стремясь к обретению счастья, к развитию и творчеству, пытается на протяжении всей своей жизни понять самого себя и других, найти свое место в обществе и мире, обрести смысл жизни. В этой, часто драматической гонке за смыслом жизни, когда, по утверждению известного литературного персонажа, нужно очень быстро бежать, чтобы просто оставаться на месте, одни обращаются к науке, другие – к литературе или искусству, третьи – к религии.

В коммуникативном пространстве общества, его семиосфере, наука и религия занимают как бы две полярные области, которые, с точки зрения дискурсологии, различаются базовыми целями своих дискурсов, набором их конститутивных и различительных признаков, ментальных установок и предубеждений, своеобразием языковых средств. Содержательные, смысловые противоречия между этими двумя дискурсами – научным и религиозным – иногда оказываются настолько большими, что приводят к драматическим (а иногда и трагическим) коллизиям в конкретных исторических условиях. Вспомним, например, сожжение католической церковью Н. Коперника за его учение о гелиоцентрическом устройстве мира. Одной из важнейших задач и науки, и религии является нахождение общих смыслов, создание метакоммуникативного пространства, в котором будут находить примирение истины науки и религии. Это понимали еще в древности, основав теорию двойственной истины, развитую затем в философии религии и призванную объединить и примирить веру и разум.

Художественно-литературный дискурс в рассматриваемом коммуникативном ряду занимает срединную зону. В нем в той или иной форме могут находить отражение научный, религиозный и иные дискурсы в их связях, взаимодействии, столкновениях в конкретных коммуникативных ситуациях, в мировоззрении, поведении различных литературных персонажей. Ярким примером этого служит роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», сюжетная линия которого движется историей четырехсуточных гастролей той трансцендентной силы, «что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

Воланд, булгаковский князь Тьмы, со своей свитой далеки от носителей религиозности в каноническом смысле этого слова, как, впрочем, далеки и от носителей подлинной научности (в дискурсивном смысле) сталкивающиеся с ними герои романа. Это, скорее, столкновение мистического начала, признание которого (в том числе и его темной стороны) является обязательной частью религиозного дискурса, с атеистическим (якобы научным) мировоззрением, не признающим ни Бога, ни черта. Результатом столкновения этих двух начал, наслонившихся на повседневную московскую реальность 20-30-х годов XX века, явились произошедшие в романе драматические и трагические события. Они вызвали у многих персонажей романа религиозный ужас перед совершившимся и грядущим

возмездием. Рассмотрим некоторые дискурсно-коммуникативные особенности этих столкновений на конкретных примерах, взятых из булгаковского романа.

1. Столкновение религиозного переживания с атеистическим рассудком.

Религиозное переживание является одним из признаков религиозного дискурса. В научной литературе выделяют различные типы религиозных переживаний – откровение, мистические, харизматические, индуцированные переживания и др. Причем охватывать они могут как верующих, так и неверующих. Описано множество различных состояний, возникающих у человека в момент таких переживаний. Столкновение с трансцендентным, мистическим началом может вызвать у него непровольный танец, вздымание волос на теле дыбом, заставить его громко кричать или кататься по полу, петь или смеяться (вспомним, кстати, булгаковский хор в филиале городских зрелищных комиссий, вынужденный против своей воли исполнять *Славное море священный Байкал...*), полностью пренебрегать социальными условностями и др.

Общей чертой наиболее сильных религиозных переживаний, таких как откровение и мистицизм, выступает их неожиданный и разрушительный для личности характер. Как правило, эти виды религиозных переживаний влекут за собой кардинальные изменения в жизни тех, кто их испытал. Конечно, не все религиозные переживания бывают столь драматичными, однако подлинность столкновения с мистическим, трансцендентным подтверждается тем, что в момент столкновения возникает чувство глубокой тревоги, захватывающее всего человека. Пророк Мухаммед, например, утверждал, что полученное им свыше приказание «возвестить» Коран ужаснуло его. Ужасает встреча с мистическим началом, вплоть до потери рассудка, и многих героев романа М.А. Булгакова.

Уже на первых страницах романа необъяснимый ужас внезапно испытывает Берлиоз, не понимая, что он входит в контакт с метафизическим началом: *Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза. Он внезапно перестал икать, сердце его стукнуло и на мгновение куда-то провалилось, потом вернулось, но с тупой иглой, засевшей в нем. Кроме того, Берлиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, что ему захотелось тотчас же бежать с Патриарших без оглядки. Берлиоз тоскливо оглянулся, не понимая, что его напугало* [1, 11].

Известно, что в случаях религиозных переживаний их источник находится вне метакоммуниканта, и в большинстве случаев не видим, но воздействие происходит изнутри. Берлиоз вначале также ищет источник своего сильного страха в пространстве вокруг себя, но в первые мгновения тот никак себя не обнаруживает, поэтому охранительный рассудок переводит все в привычные рамки: *жара, переутомился*. Однако метакоммуникативное событие продолжает развиваться. Ужас не верящего в потусторонние явления Берлиоза усиливается, когда перед ним из знойного воздуха неожиданно соткался «прозрачный гражданин престранного вида»: *Тут ужас до того овладел Берлиозом, что он закрыл глаза* [1, 11]. Коварство потусторонности, уже определившей его судьбу (*Аннушка уже купила подсолнечное масло*), в дальнейшем общении с Берлиозом проявилось в том, что когда он открыл глаза, то увидел, *что все кончилось, марево растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца. – Фу ты черт! – воскликнул редактор,* –

ты знаешь, Иван, у меня сейчас едва удар от жары не сделался! Даже что-то вроде галлюцинации было, – он попытался усмехнуться, но в глазах его еще прыгала тревога, и руки дрожали [1, 11]. Метакоммуникативное событие состоялось, завершившись вполне благополучно для Берлиоза. В силу своей кратковременности оно никоим образом не поколебало его атеистических убеждений, позволив вести обстоятельный разговор с Иваном Бездомным о том, что фигура Иисуса Христа – это миф.

Еще одной характерной чертой мистического переживания является присутствие в этом событии внешней странности, непривычности обстоятельств происходящего. В этой связи можно вспомнить Моисея перед пылающим кустом, Христа в пустыне, Мухаммеда в пещере. При этом даже самые обычные обстоятельства, которые могут иметь рациональное объяснение, у метакоммуниканта получают тревожный и странный смысл. Согласно роману, первая странность происходящего на Патриарших прудах заключалась как раз в таких внешних обстоятельствах. Во всей аллее, несмотря на страшную жару, не оказалось ни одного человека: *никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея*[1, 10]. В нашем случае была еще одна внешняя странность, роковым образом определившая судьбу и Берлиоза, и поэта Бездомного. Этой мучительно неуловимой уже в определении национальности странностью (*немец? англичанин? француз? поляк?*) оказалась для них материализовавшаяся в образе Воланда потусторонняя сила. Беседа с ним Берлиоза и Бездомного вызывает у тех постоянное чувство то меньшей, то большей тревоги и странности. Избавление от беспокойства, вызываемого личностью Воланда и его речами, происходит самым естественным образом. Поэт Бездомный переводит все с помощью атеистического рассудка в привычные рамки повседневной жизни: *- Вот что, Миша, – зашептал поэт, оттащив Берлиоза в сторону, – он никакой не интурист, а шпион. Это русский эмигрант, перебравшийся к нам. Спрашивай у него документы, а то уйдет... Ты думаешь? – с тревожно шепнул Берлиоз, а сам подумал: «А ведь он прав!»* [1, 18]. Однако же когда выяснилось, что иностранец никакой не шпион, то невозможность совместить с рассудком возникающие странности приводит развитие коммуникативной ситуации, в которой эти странности сталкиваются, к логическому финалу: *Вот тебе все и объяснилось! – подумал Берлиоз в смятении, – приехал сумасшедший немец или только что спятил на Патриарших. Вот так история!». Да, действительно, объяснилось все: и страннейший завтрак у покойного философа Канта, и дурацкие речи про подсолнечное масло и Аннушку, и предсказание о том, что голова будет отрублена, и все прочее – профессор был сумасшедший* [1, 39].

2. Столкновение измененного религиозным переживанием сознания с повседневной реальностью. Религиозные переживания могут оказывать сильнейшее воздействие на участников, но остальным людям будут казаться чем-то совершенно безумным. Столкнувшись с метафизической реальностью, человек может некоторое время находиться в измененном состоянии сознания, кажущимся окружающим безумием. В этот период человек выходит из-под власти естественных механизмов рационального контроля, разрушаются все обычные барьеры между собственной личностью и внешним миром, переживаемое обладает такой силой, что

требует немедленной реализации, невзирая на социальные условности. При этом метакоммуникат физически достаточно хорошо ориентируется в реальном мире.

В таком состоянии в романе оказывается поэт Иван Бездомный, увидев, как отрезанная трамваем голова Берлиоза подскакивала на мостовой: *От этого он до того обезумел, что, упавши на скамью, укусил себя за руку до крови* [1, 42]. С этого момента он впадает в состояние, которое в философии религии называют развивающимся религиозным переживанием. Две мысли оказываются доминирующими в сознании поэта, и обе связаны с Воландом: *Первая: «Он отнюдь не сумасшедший! Все это глупости!», и вторая: «Уж не подстроил ли он все это сам?!»* [1, 43]. Эти мысли определяют все дальнейшее поведение Ивана Николаевича, сжато сформулированное его болезненным сознанием: *- Э нет! Это мы узнаем!* [1, 43]. Сознание Бездомного обретает болезненную двойственность, которую он, пройдя через цепь совершаемых им странных (с точки зрения окружающих, но не самого поэта) поступков, преодолевает в психиатрической клинике с помощью логики профессора Стравинского. Тот переводит весь этот метафизический вздор, случившийся с Иваном Николаевичем, на обычный житейский язык: *Теперь я скажу вам, что, собственно, с вами произошло. Вчера кто-то вас сильно напугал и расстроил рассказом про Понтия Пилата и прочими вещами. И вот вы, нанервничавшийся, издерганный человек, пошли по городу, рассказывая про Понтия Пилата. Совершенно естественно, что вас принимают за сумасшедшего. Ваше спасение сейчас только в одном – в полном покое. И вам непременно нужно остаться здесь* [1, 78]. Но сила пережитого мистического состояния обычно такова, что даже находящаяся в отчаянном состоянии личность не поддается убеждающему воздействию рациональной оценки. То же происходит и с Иваном Бездомным: *- Но его необходимо поймать! – уже моляще воскликнул Иван* [1, 78]. Однако не зря поэт думал о Стравинском, что тот *положительно умен*. Бездомному, как известно из романа, не удастся выиграть поединок с ним, поскольку профессор хорошо знал, что мистические переживания, резко отличаясь от обыденного опыта, трудно поддаются описанию, а уж тем более переводу на язык официальных заявлений, язык деловых бумаг. Поэтому он совершенно спокойно соглашается с поэтом, что Воланда нужно поймать, и коварно предлагает Ивану Николаевичу изложить все в виде официального заявления: *- Хорошо-с, но самому-то зачем же бегать? Изложите на бумаге все ваши подозрения и обвинения против этого человека. Ничего нет проще, как переслать ваше заявление куда следует, и если, как вы полагаете, мы имеем дело с преступником, все это выяснится очень скоро* [1, 78]. Как известно из романа, попытки Бездомного сочинить заявление насчет страшного консультанта не привели ни к чему.

Таким образом, текст романа М.А. Булгакова дает точное представление о возможных столкновениях различных дискурсов в реальной жизни.

Литература

1. Булгаков, М.А. Избранное / М.А. Булгаков. Избранное: Роман «Мастер и Маргарита»; Рассказы. М.: Художественная литература, 1982. – 400 с.

2. Томпсон, М. Философия религии / М. Томпсон. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 384 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ